

На следующий день после Хэллоуина, словно эхо ночного кошмара, разнесся по Хогвартсу слух о том, что Азкабан пал. Двадцать авроров - лучшие из лучших - погибли, а в небе над мрачным замком засияла Темная Метка, словно кровавый шрам на лице ночи. Альбус Дамблдор, его седые брови нахмурены, стоял перед Визенгамотом, его слова были тяжелы, как камни: — Вы все еще не верите, что Он вернулся? Корнелиус Фадж, министр магии, сидел, откинувшись на спинку кресла, и с пренебрежением усмехнулся: — То есть вы хотите сказать, что Сами-Знаете-Кто должен вернуться только потому, что какая-то метка появилась? Дамблдор, его глаза горели неподдельным ужасом, продолжил: — Он вернулся! Он освободил своих верных из Азкабана! Фадж саркастически фыркнул: — Ну, я думаю, это Сириус Блэк помог им бежать. В конце концов, он знает, как выбраться из Азкабана — он уже делал это раньше. Логично, что теперь он вернулся, чтобы вырвать свою кухню и ее мужа, а также всех остальных своих друзей Пожирателей смерти. Люциус Малфой, с его холодным, расчетливым взглядом, поддержал Фаджа: — Да, это логично. Блэк — единственный, кто мог бы это сделать. И действительно, Визенгамот, за исключением нескольких верных последователей Дамблдора и параноиков, вроде Аластора Муди, склонялся к мнению Малфоя. — И я также думаю, что это конец тем слухам, что Блэк может быть невиновен, — сказал Фадж, с вызовом глядя на Амелию Боунс, главу Отдела магических правонарушений. Амелия, с холодным спокойствием, ответила: — Боюсь, в этом вы ошибаетесь, министр. Потому что Сириус Блэк — это то, ради чего я здесь сегодня. В зале повисла тишина, словно предвестник бури. Фадж нахмурился: — О чем ты говоришь, Амелия? — Вы просили меня изучить дело Сириуса Блэка, министр, — ответила Амелия, ее голос был спокоен, но в нем звучала сталь. — Сегодня я здесь, чтобы представить свои выводы. Следующие минуты стали для Фаджа сокрушительными. Амелия, как опытный хирург, вскрывала дело Блэка, демонстрируя неопровержимые улики, воспоминания, и, самое главное, клятву Блэка, подписанную кровью, что все, что он ей прислал, было правдой. Вердикт был однозначен: Сириус Блэк был невиновен. Фадж заикался: — Но... но... Азкабан! Побег! — Это сделал не Сириус Блэк, — ответила Амелия, ее голос был ледяным. — У меня есть доказательства, что он не предавал Поттеров, и у меня есть доказательства, что он не убивал Питера Петтигрю, настоящего предателя. Фадж, с отчаянием в глазах, бросил взгляд на Дамблдора: — Значит, теперь ты на стороне Дамблдора. Ты хочешь верить в его ложь о том, что Сами-Знаете-Кто вернулся! Амелия покачала головой: — Нет, министр. Я просто хотела заметить, что это не мог сделать Блэк. Я ничего не говорила о Сами-Знаете-Кто. — Ну, если это был не Блэк, тогда, может быть, это был Петтигрю? — вмешался Малфой. — В конце концов, раз Блэк не убил его, значит, этот человек все еще жив, и если Блэк не был правой рукой Сами-Знаете-Кого, то, по крайней мере, Петтигрю должен быть в его окружении. Фадж, словно утопая в море сомнений, кивнул: — Да! Да! Если это не Блэк, то это должен сделать Петтигрю! Визенгамот, словно подчиняясь невидимой силе, начал склоняться к мнению Малфоя. Дамблдор, с горечью в голосе, попытался возразить: — Я сомневаюсь, что Питер Петтигрю смог бы сделать что-то подобное в одиночку! Он не настолько находчив, чтобы... — Но он был достаточно изобретателен, чтобы скрываться более десяти лет и в то же время обвинять невиновного человека в своем убийстве, — парировал Теодор Нотт-старший. — Я считаю, что если кто-то способен скрываться так долго, то он также достаточно изобретателен, чтобы освободить нескольких Пожирателей смерти из Азкабана. Дамблдор, его лицо исказила гримаса боли, попытался снова возразить, но Фадж его перебил: — Это был Волдеморт! Если вы не... Фадж, устав слушать бредни Дамблдора, решил сосредоточиться на том, как выудить из Ксенофилиуса Лавгуда информацию об Оливере Твисте, чтобы успеть остановить этого сопляка до того, как он успеет подорвать авторитет Министерства. — Министр! — Амелия Боунс вернула Фаджа к настоящему разговору. — Не могли бы вы повторить это, Амелия? — спросил Фадж, его голос был уставшим. — Министр, что нам теперь делать после того, как мы узнали правду о Блэке? — послушно повторила она. Это был действительно хороший вопрос. Фадж предпочел бы оставить все как есть, но он также знал, что по крайней мере некоторые из присутствующих помнили, что Блэк должен занять место в Визенгамоте вместе с ними.

Добавим к этому, что Люциус Малфой был женат на кузине Блэка, и Фадж не мог позволить себе поступить так, как ему хотелось бы.— Нам нужно связаться с ним. Мы также должны вернуть ему его права... и нам придется извиниться перед ним за то, как с ним обошлись в бывшем правительственном органе, — сказал Фадж, его голос был мрачным. Визенгамот, словно застывший в ожидании, слушал, как министр магии, под давлением обстоятельств, был вынужден признать ошибку. — Он должен получить компенсацию, — начал Корнелиус, запнувшись, не зная, что еще добавить.— Как насчет того, чтобы предложить ему лечение в больнице Святого Мунго? — предложила Амелия Боунс, её голос звучал спокойно, но решительно. — Если он пройдет тесты на психическое здоровье, его отпустят, и он сможет приступить к своим обязанностям Лорда Блэка. Так мы сможем быть уверены, что после освобождения он будет безопасен для всех остальных.— Отличная идея, госпожа Боунс, — кивнул Корнелиус, его глаза блестели решимостью. — Пожалуйста, свяжитесь с прессой. Я поговорю с ними позже. Корнелиус знал, что это дело не должно остаться без внимания. Мир должен знать, что именно он, Корнелиус Фадж, разоблачил ложь и вернул несправедливо осужденного человека к жизни. — Есть ли ещё какие-либо вопросы, которые необходимо обсудить? — спросил он, оглядывая собравшихся. Заседание Визенгамота закончилось. Корнелиус чувствовал удовлетворение от выполненного долга. В это время Ксенофилиус Лавгуд, сидя в своей мастерской, радостно напевал, печатая очередной выпуск "Квибблера". Он был уверен, что статья, написанная Оливером Твистом, снова всколыхнёт Волшебный мир. — Она не направлена против всего волшебного мира, — размышлял Ксено, — но она бьёт по самому основанию нашего мира, по его важнейшим институтам. Эта статья обязательно вызовет большой интерес. С того дня, как Ксено напечатал первую статью Оливера Твиста, число подписчиков "Квибблера" выросло в десять раз. Ксено с трудом успевал печатать газету в одиночку. Скоро ему понадобится помощник, чтобы удовлетворить спрос. "Ведьмин еженедельник" тоже заинтересовался статьями Твиста. Они напечатали одну из его ранних работ, а затем связались с Ксено, чтобы спросить, можно ли публиковать и другие. — Конечно, — ответил Ксено, но предварительно обсудил всё с Оливером. Теперь "Ведьмин еженедельник" тоже печатал статьи Твиста, правда, с двухдневной задержкой по сравнению с "Квибблером". В этот момент в дверь постучали. — Барнабас Каффе, — произнёс Ксено, открывая дверь.— Ксенофилиус Лавгуд, — ответил Барнабас, главный редактор "Ежедневного пророка", его лицо выражало дружелюбие. — Приятно познакомиться, друг мой.— Рад встрече, — ответил Ксено, подмигнув волшебнику. Он проводил Барнабаса в гостиную и отправился за чаем. Луна всегда говорила, что разговор становится легче, когда перед тобой стоит чашка хорошего чая. Ксено следовал её совету, ведь он знал, что дочь умнее его и разбирается в таких вещах.— Итак, чем я могу вам помочь? — спросил Ксено, возвращаясь с подносом, на котором стояли две чашки чая.— Я хотел попросить разрешения напечатать статьи Оливера Твиста, — ответил Барнабас. Ксено поднял бровь, а Барнабас улыбнулся.